

На плотях — эпизод 3 из 5

Герой у тебя отец-от. Смотри-ко полсотни годов ему, а он какую кралечку милует! Сок один баба. И любит она его что уж тут! Любит, брат. Нельзя не любить козыря такого. Король козырей, бардадын отец-от у тебя. Работает любо глядеть, достаток большой; почета хошь отбавляй, и голова на месте. Н-да. А ты вот ни в мать, ни в отца. Мить? А что бы отец-от сделал, кабы покойница Анфиса жива была? Чудно! Посмотрел бы я, как она его... Тоже баба была бой, матка-то твоя... Под пару Силану-то.

Митрий молчал, облокотясь на весло и глядя в воду.

Сергей тоже замолчал. Спереди плотов доносился звонкий женский смех. Ему вторил басовитый смех мужчины. Затканые мглой, их фигуры были еле видны Сергею, с любопытством смотревшему на них сквозь тьму. Можно было видеть, что мужчина высок и стоит у весла, широко расставив ноги, вполоборота к кругленькой, маленькой женщине, прислонившейся грудью к другому веслу, саженьях в полутора от первого. Она грозит мужчине пальцем, рассыпчато и задорно посмеиваясь. Сергей отвернулся со вздохом сокрушения и, сосредоточенно помолчав, заговорил опять:

Эхма! И ладно же им там. Мило! Мне бы вот так-то, бобылю-шатале! Ни в жисть бы от такой бабы не ушел! Эх ты! Так бы все и мял ее в руках, не выпускал. На, чувствуй, как люблю... Черт те! Не везет вот мне на бабу... Не любят, видно, бабы рыжих-то. Н-да. Капризная она баба эта... А шельма! Жадна жить. Митя! Эй, спишь?

Нет, тихо ответил Митя.

То-то! Как же ты, брат, жизнь проходить будешь! Ведь ежели говорить правду один ты, как перст. Тяжело! Куда ж ты себя теперь определишь? Житья тебе настоящего на людях не найти. Смешон больно. Али это человек, который постоять за себя не умеет! Нужно, брат, зубы да когти. Всякий тебя будет забиждать. Рази ты можешь оборониться? Чем тебе оборониться? Эхе-хе! Чудён! Куда ж ты?

Я-то? вновь встрепенулся Митя. Я уйду. Я, брат, осенью ныне на Кавказ, и кончено! Господи! Только бы скорее от вас! Бездушные! Безбожные вы люди, бежать от вас одно спасенье! Зачем вы живете? Где у вас бог? Слово у вас одно... Али вы во Христе живете? Эх вы, волки вы! А там иные люди, живы души их во Христе, и сердца их содержат любовь и о спасении мира страждут. А вы? Эх вы! Звери, пакость рыкающие! Есть иные люди. Видел я их. Звали меня. К ним и уйду. Книгу святого писания принесли мне они. Читай, говорят, человек божий, брат наш любезный, читай слово истинно!.. И читал я, и

обновилась душа моя от слова божия. Уйду. Брошу вас, волки безумные, от плоти друг друга питаетесь вы. Анафема вам!

Митрий говорил это страстным шепотом и задышался от переполнявшего его чувства презрительной злобы к безумным волкам, от жажды тех людей, души которых мыслят о спасении мира.

Сергей был ошеломлен. Он помолчал, широко открыв рот, держа в руке свою трубку, подумал, оглянулся кругом и сказал густым, угрюмым голосом:

Ишь как взъелся!.. Злой тоже. Напрасно чёл книгу-то. Кто ё знает, какая там она? Ну... вали, вали, утекай, а то совсем испортиться можешь. Айда! Беги, пока не озверел совсем... А что ж это за люди там, на Кавказе? Монахи? Аль, может, староверы? Они молоканы, что ли? А?

Но Митрий потух уже, так же быстро, как и вспыхнул. Он ворочал веслом, задыхаясь от усилий, и что-то шептал быстро и нервно.

Сергей долго ждал его ответа и не дождался. Его здоровую, несложную натуру давила мрачная, мертвенно тихая ночь, ему хотелось напомнить себе самому о жизни, будить эту тишину звуками, всячески тревожить и вспугивать это притаившееся созерцательное молчание тяжелой массы воды, медленно лившейся в море, и уныло застывшие в воздухе неподвижные груды облаков. На том конце плота жили и его возбуждали к жизни.

Оттуда то и дело долетал то тихий, довольный смех, то отрывочные восклицания, стушеванные тишиной и тьмой этой ночи, полной запаха весны, возбуждавшего горячее желание жить.

Брось, Митрий, куда воротить? Ругнет старик-то, смотри, заметил он наконец, не вынося более молчания и видя, что Митрий бесцельно буравит воду веслом. Митрий остановился, отер вспотевший лоб и замер, прислонясь грудью к веслу и тяжело дыша.

Мало сегодня пароходов чего-то... Кой час плывем, а всего один встретился. И, видя, что Митрий не собирается ответить, Сергей резонно объяснил сам себе:

Это потому, что навигация еще не открылась. Начинается только еще. А живо мы сплывем в Казань-то здорово тащит Волга. Хребет у нее богатырский все поднимет. Ты чего стоишь? Осерчал, что ли, а, Мить? Эй!

Ну что? недовольно спросил Митрий.

Ничего, чудак человек... Чего, мол, молчишь? Думаешь все? Брось. Вредно это человеку. Эх ты, мудрец, мудришь ты, мудришь, а что разума-то у тебя нет, это тебе и невдомек! Ха-ха!

И Сергей, посмеявшись, в сознании своего превосходства крепко крикнул, помолчал, засвистал было, но оборвал свист и продолжал развивать свою мысль далее:

Думы! Али это для простого человека занятие? Вон, глянь-ко, отец-от твой не

мудрит живет. Милует твою жену да посмеивается с ней над тобой, дураком мудрым. Так-то! Чу, как они? Ах ты, дуй их горой! Поди уже беременна Марька-то! Не бойсь, не в тебя дите-то будет. Такой же, надо полагать, ухарь, как и Силян Петров. А твоим ведь зачислится ребенок-то. Дела! Ха! Тятка, скажет тебе. А ты ему, значит, не тятка, а брат будешь. А тятка-то у него дедушка! Эх ты, ловко! Эки пакостники! А удалцы народы! Так ведь, Митя? Сергей! раздался страстный, взволнованный, чуть не рыдающий шепот. Христа ради прошу, не рви ты мою душу, не жги меня, отстань! Молчи! Христом-богом прошу, не говори со мной, не растравляй меня, не соси мою кровь.